

Ана Ховская

Мой
СНЕЖНЫЙ
РОМАН

18+

Ана Ховская

Мой снежный роман

<https://litres.ru/73291672>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда любовь заплутала, судьба прикладывает свою... пушистую лапу!

Это история -- антистресс для не циничных читателей о неунывающей героине, настоящем мужчине и маленьком чуде, которое всё время вертится под ногами...

Что может быть лучше предложения руки и сердца на Новый год, -- думала Женя -- успешная стюардесса. Но у Судьбы свои планы!

Сбежавший бойфренд, испорченный отпуск -- самое время уехать с любимым пёсиком в горы и начать жизнь с чистого листа. Уютный домик, ёлка, мандарины...

Но снежная ловушка и череда нелепых происшествий переворачивают всё с ног на голову и помогают Жене понять, чего она хочет в жизни, и услышать своё сердце.

А вы уверены, что знаете, с кем проведёте Новый год?

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	53
Глава 6	61
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мой снежный роман

От автора

Дорогие мои Читатели!

Я давно мечтала написать что-то романтическое и такое снежное-снежное, чтобы прямо горы, лес... и яркие огоньки – герои, чтобы настоящий Новый год и душа отдыхала и улыбалась. И в этом году созрела...

С радостью представляю романтическую комедию – анти-стресс с неожиданными поворотами, горстью приключений и, конечно же, магией праздника, где любовь может начаться с самого нелепого падения.

В истории вас встретят:

- неунывающая хозяйка дома, летающая в облаках;
- очаровательный коварный питомец;
- неожиданные бойфренды, рискующие остаться без штанов;
- нелепые случайности и, конечно, интрига в конце!

Прежде всего это история о любви, о неожиданной встрече и рождении чудесного чувства, а нотки юмора, иронии и новогодняя атмосфера придают ей особое настроение для НЕ циничных читателей.

Мандаринок вам, глинтвейна и уютного настроения!

Глава 1

30 декабря

– Ёшкин свет, ты серьёзно?! – почти взвизгнула я в трубку, даже Жулька подпрыгнул на своей собачьей подушке и вылупил глазки-пуговики.

Полный штопор! Так я искрю только после встречи с маман, и то в ванной наедине!

– Да, Жень, прости, – виновато вздохнул Вадик. – Не получится отпраздновать Новый год... Сама понимаешь, если не приду на корпорат, могу бонусов лишиться. Мы с тобой могли бы 3D-телевизор купить...

– Да на кой пень сдался мне твой телевизор! – возмутилась я. – Ты сантехника три месяца вызвать не можешь, стиралку починить. У нас дверцы на кухне отваливаются... А сколько прошу мне антивирусник установить и почистить ноут... Меня же часто нет, а ты всегда в городе.

– Жень, не злись! – процедил Вадик.

Сколько можно задвигать меня за шторку? Почему на уступки всегда иду я?!

– Знаешь, как трудно старшему бортпроводнику взять отпуск в Новый год! – попыталась сказать сдержанно. – Я четыре года умоляла начальство! И вот – аллилуйя! – я свободна в такие большие праздники, а ты улепётываешь на корпоратив в Ярославль за два дня до Нового года?! Мы же хотели

съездить к твоей семье!

– Ну будет ещё время, на восьмое марта можем сгонять...

Значит, он не собирался делать мне предложение на Новый год? Так, не падаем духом, Стрельцова... Но!

– Знаешь, и так каждый раз, – разочарованно выдохнула.

– Моё терпение лопнуло!

– Ну не заводись, Женюсь, – проворчал он.

– Я завожусь?! Да я ещё даже ключ в зажигание не вставила! Ехать к маме, а ты знаешь, как я не люблю бывать у неё одна, – тебя нет, – стала загибать пальцы. – На день рождения моих друзей – ты в командировку... Тебя всё время нет, когда ты нужен!

– Ну давай, вспомни ещё все мои грехи за полтора года, что мы вместе! – неожиданно вспылил он.

– Не вспомню, Вадик! Потому что мы никогда не были вместе! – и смахнула звонок.

Фр-р! Я в жизни слова поперёк ему не сказала. Что это?

Посмотрела в зеркало и увидела себя: лохматую, со сверкающими праведным гневом глазами, покрасневшую...

Ненавижу себя такую! А ведь я образец терпения и стабильности! Где твоё лицо, старший бортпроводник Стрельцова? Какая муха тебя укусила?

– Что, разошлась твоя подруга? – покосилась на Жульку.

– Всё бывает в первый раз. Но ведь допекло же!

Тот, обычно порывающийся в момент моего разговора с Вадиком, лежал абсолютно спокойно, даже будто улыбался.

Надо сказать, мой терьерчик всегда недолюбливал Парфёнова. Вот прямо с порога. Вечно драл его тапки, а сначала вообще гадил в них. Вадик, конечно, терпел, потому что Жулька шёл в комплекте со мной. И не иначе!

– Всё, Жуля, собираем вещи – мы уезжаем в горы!

Жулька встrepенулся, вскочил с подушки и, скользя по ламинату, пулей метнулся в спальню. Через пару секунд вернулся с моей соломенной шляпой в зубах.

И где только взял? А-а, кажется, это я наводила порядок в шкафу, но так и не довела до ума. Всё некогда – в полётах-разлётах. Но это же мой шкаф!

– Ох, ты, конечно, молодец. Но мы летим не на Бали. В такой шляпке у нас с тобой там хвост отвалится.

Жуля лёг прямо на шляпу, положил мордашку на её выпуклую часть и отвернулся к окну, мол, собирайся сама, я тут полежу.

Я ушла в спальню, открыла большой чемодан и стала собирать вещи. Тёплый белый брючный костюм – прохладненько всё-таки, несколько свитерков, комнатные угги, джинсы... Ага, вот и платье, красное, шёлковое...

Когда покупала в Стамбуле в прошлом году, аж в груди щемило от восторга. Именно в таком платье получают предложение. У Вадика челюсть отвисла бы. Девчонки завидовали: отхватила! Но оно уже плесенью покрылось в шкафу: сначала на четырнадцатое февраля Вадик смылся в Москву, потом на двадцать третье – вдруг заболела его маман, на

восьмое марта – у него что-то случилось с офисом... А дальше уже просто по накатанной – пропал запал.

Вот и устрою себе Fashion New Year!¹ Возьму ещё ноутбук, буду весь Новый год смотреть рождественские фильмы и фотки, куда летали мои Нюся и Люся – двойняшки-коллеги. Всё-таки впервые их поставили на международные рейсы.

Снова раздался звонок Вадика.

Я поостыла. Может, почувствовав, что ему прижали хвост, он передумал, и уж на этот раз – бац! – случится чудо?

– Чем могу помочь? – деловым тоном ответила в трубку.

– Женюсь, я постараюсь вырваться пораньше. Отпразднуем с Саньком и компашкой... Ну не злись...

Надежды тут же просвистели мимо.

– Можешь не торопиться! У меня будет свой собственный Новый год в горах! – заявила с ехидным удовольствием.

Не дам повода порадоваться ему, что снова подмял под себя. Походу, ему это нравится. А я везде и всюду вынуждена улыбаться и спускаться на тормозах? Могу я хоть раз выйти из берегов?!

– Ну куда ты поедешь одна? Там холод, волки, медведи...

– Ты в Горном Щите был? Какие медведи, очнись – зоопарк у нас в городе! – фыркнула от нелепости я, уже застывшая чемодан.

– А маме что ты скажешь?

¹ Fashion New Year – перевод с англ. – модный Новый год.

Вот молодец, приплёл, когда нужна стала, – манипуляция чистой воды! Не зря же он ведущий региональный менеджер по продажам!

Но Парфёнов маму мою не переваривает. Собственно, как и она его. В общем-то, все вокруг меня страдают несварением: мама не любит Вадика, Вадик – маму и Жулю, Жуля – Вадика и... маму. Одна я на разрыв между ними.

– Знаешь, что меня поражает: ты даже не приехал лично, чтобы сообщить это, будто я всего лишь соседка, – обиженно выдохнула я.

– Жень...

– Пень! – и бросила трубку уже окончательно.

С меня хватит! От винта!

Я погрузила чемодан, собачьи корм, аптечку и подушку в своего красненького жука², Жулю – на переднее сиденье и срулила из Екатеринбурга в места моего детства – посёлок Горный Щит. Горы, еловый лес, много снега – настоящая новогодняя красота!

По дороге заехала в супермаркет, набрала фруктов, гору овощей, немного вредностей, любимого вина и пару готовых салатов, чтобы перекусить по приезду.

Готовить я не умею (кроме бутербродов, картошки под сыром и омлета), а попросту обычно жутко некогда. Есть ещё закрутки на чердаке. Но у меня будет десять счастливых дней в благословенной тишине и покое – буду постигать дзен в

² Жук – легковой автомобиль марки Volkswagen.

кулинарном искусстве.

Уже через полтора часа я сворачивала на расчищенную дорогу Горного Щита.

И тут, конечно (как я могла подумать, что останусь без контроля Всевидящей?), позвонила маман:

– Доня, а ты куда там собралась? Мне звонила тётя Гуля, сказала, что ты с чемоданом куда-то уехала и даже своего кобеля ей не оставила.

О, не переношу это жутко грубое оскорбление Жульена Йоркишского!

Ох уж эти любопытные соседки! Шпионки доморощенные!

– Мам, всё отлично. Я просто еду в отпуск, – сообщила с натянутой улыбкой, подкрашивая губы блеском в зеркало заднего вида.

– Как так? Куда?! А как же Новый год? Ты с *этим*?..

«Этим» она величала Вадика.

– Нет, ма, без «этого». Ты же хотела, чтобы я с ним рассталась. Ну так я и решила начать с отпуска отдельно.

Секунда молчания – процесс переваривания новости – и уже бодрое, звонкое:

– Это замечательно! Я давно говорила, что он тебе не пара...

Это она говорит о каждом моём парне.

– ...но куда же ты?

Ну уж нет, чтобы мне отпуск испортили? Ни за что!

Сама маман в зиму в горы не подается – тепло любит, комфорт, а какой там комфорт: дядь Славик (третий муж маман) за ней не поедет – очередная диссертация, кто ей будет кофеёк в постель носить да блинчики готовить на обед? Я? Ни за что! Ну а потом – с манюней моей у неё тотальная несовместимость.

Однако ж и туда её занести может, проконтролировать, конечно. Поэтому...

– Ма, что-то связь ужасная... Ш-ш-ш... Ой, кажется, зарядка... Ш-ш-ш...

Фу!

Выключила телефон, подмигнула Жуле и врубила радио.

– У нас будет чудесный отпуск, Жульен!

Манюня прыгнул мне на колени, повертелся и уютно устроился между ног, положив подбородок на бедро. Соскучились мы друг по дружке, весь последний месяц наскоками дома была.

Зимняя дорога с горками снега по обочине, солнце на голубом небе... Такой белый снег вокруг, блестит, аж слепит. Красотища – аж душа поёт! Вот здорово всё-таки, что выбралась!

– Умница я у тебя, Жуль? – потрепала по холке манюню.

Тот, высунув язык, довольно завил хвостом, встал передними лапами на руль и уставился на дорогу. Здесь он был не раз, и место ему понравилось – так гоняет по двору за мошками летом, не угнаться.

И вдруг кто-то замахал руками у края дороги. Я притормозила.

Ух ты! Какая встреча!

Вот тот, кого мама с детства в женихи сулила, – Алёша Щавлев! Вызывает такую же кислую улыбку, как и его фамилия. Семья у него состоятельная – отец лесопилкой владеет. Но в детском саду я Лёшкины сопли ненавидела, в младшей школе не знала, куда от него деться, – вечно хвостом бегал и ныл, в старшей – меня тошнило от его прыщей. Но у меня слишком много ухажёров было – сам и отвалился, когда пару раз нос начистили.

Сейчас-то я образец терпимости и уравновешенности, без этого не быть старшим бортпроводником (да и что мне с ним делить?), дружелюбно выглянула в окно:

– Привет, Алёша!

Жуля даже не шевельнулся.

– Здравсте, Женька! – моргнул тот обоими глазами.

Всё такой же прыщавый и, походу, до сих пор влюблённый в меня парнишка. Думала, прошло. Неа! Вон как глазами стреляет.

– Ты туда, к себе?

...ну и красноречием никогда не отличался.

– Ага!

– Ты на Новый год останешься?

– Да, его и приехала праздновать.

– Одна?

– Не-ет, ты что! Друзей наедет полный дом! – округлила глаза, даже Жулька недоумённо распахнул свои бусины.

– А... ну хорошо там... отметить, что ли, – замялся Алёша, не сводя с меня лучащихся ожиданием глаз.

– И тебе счастья и удачи в Новом году! Алёш, я полетела... а то дела.

– Да-да.

Он отодвинулся от машины и ещё долго махал вслед.

Бедняжка. Ну не вышел мордашкой, стержня нет, мне его даже жалко. Но мне только двадцать семь исполнилось, так что ещё могу перебирать женихов.

– Может, его с Нюсей познакомить? Парень-то добрый, не обидит? Как считаешь, Жуль?

Жульен накрыл лапой мордашку и уткнулся в моё бедро носом.

– Вот откуда ты такой проницательный? – ласково почесала манюню за ушком.

На повороте к подъёму на наш участок увидела огромный тулуп с белой опушкой, а потом уж разглядела тёмную бороду.

О, а вот и медведи!

Засмеялась радостно и, открыв окно, замахала рукой:

– Привет, дядь Миш! Как вы?

Жулька высунулся тоже и дружелюбно твякнул местному старожилу.

– Женечка, здравствуй, красавица! – развёл руки дядь

Миша, а потом ласково потрепал Жульку за ушами. – Какими судьбами с манюней?

Именно его словечко и закрепилось за моим Жулькой.

– Я на Новый год решила отпуск себе устроить. Как там наш домик?

– Я токо снеговика³прогнал. Дорога чистая. На малютке своей проскользнёшь. Осторожно на подъёме, передачу не забудь переключить на пониженную.

– Ой, вы настоящий Дед Мороз! И спасибо за напоминание! – улыбнулась и похлопала по большой тёплой руке мужчины.

– Ты ежели чего, звони. А то дом-то с лета пустует. Мать твоя давно не была. Глядишь, чего подлатать. Ко мне сын приехал, так вдвоём быстро управимся.

– Дядь Миш, спасибо! Вы у меня номер один! – подмигнула и свернула на свой подъём. Три минуты, и я у крыльца сказочного домика.

А дядь Миша за год раздобрел. Это наш мастер на все руки: и сантехник, и слесарь, и электрик – добрейшей души человек. За домом нашим приглядывает, помогает починить что.

Поговаривали, что он старшеклассником за мамой в школе увивался, да та гордячка была – длинная коса – первая краса. А я бы не прочь иметь такого заботливого мишку-отца. Ведь с моим-то мама развелась, когда мне было семь лет.

³ Снеговик – снегоуборочная машина.

Да, маман мою не всякий вынесет. Второго мужа на семь лет хватило. Третий – вот уже десятый год держится. Надеюсь, останется: с ним у меня полная гармония.

Ну, вот и наш сказочный домик в два этажа, двор без ограждения, а зачем, если участок окружён елями-великанами. Крыша серебрится на солнце, золотое дерево, ажурные балясины на крыльце, прочные стеклопакеты – надёжный оплот и романтика. Преимущество нашего участка – рядом никого. Лес запретили вырубать, так наш дом и остался единственным на три километра в округе.

Я поставила жука под окном, выгрузила вещи и занесла в дом. Жулька ехал верхом на плече.

– Мамочки, мы ж тут околеем, Жуля! – войдя в коридор, выдохнула вместе с плотным облачком пара. – Срочно включать отопление!

Но ничего не вышло: то ли кнопки заело, то ли какая-то хреновина отвалилась внутри котла. Пришлось замотать Жульку в плед, уложить на диван и приказать не двигаться с места.

– Так, Жуля, звоним в скорую помощь!

На всякий случай проверила остальные системы в доме: электричество, воду – всё работало.

– Дядь Миш... – заныла в трубку и пожаловалась на систему отопления.

– Не-е, это Турсунович, сме... сменщик Михи, – послышался полутрезвый голос, видно, праздновать начали зара-

нее. – Но я Михе сообщу, как вернётся, или сыну его... Такой помощник приехал – парень на все руки...

– Спасибо, э-э... Турсунович. Буду ждать. Не хочется в полночь превратиться в сосульку, – усмехнулась я.

– Не бойсь, девуля! Жди!

А пока суть да дело, я растопила камин – дровишек дядь Миша нам летом заготовил. А чтобы не замёрзнуть, нагрела воды, вымыла полы, освежила все поверхности в доме. Умалась, но до ужина всё переделала. Так и согрелась.

Ещё надо было приготовить постельку на ночь. Заглянула в шкафы – запах залежалого белья ударил в нос.

– Да, определённо требуется стирка.

Заложила стиралку в кладовке, засыпала порошка, включила и довольная вернулась в гостиную.

– Ну что, пассажиры, займите свои места и пристегните ремни безопасности, – бросила собачью подушку у камина и прикрыла двери, чтобы сохранить тепло в комнате.

Жулька выбрался из пледа, с разгона плюхнулся на свою подушку и замер, пока я готовила место для себя.

Переделась в плотный домашний костюм с начёсом, принесла ноутбук и устроилась на медвежьей шкуре у камина в полном дзене: салатки, ваза чипсов, бокал красного, включила ромком. Поманила Жулю себе на бедро лакомством в виде рождественского леденца и... только нажала плей, как раздался стук в дверь.

Жулька с пробуксовкой вскочил с бедра, со звонким лаем

бросился к двери... Вино – на шкуре, бокал – вдребезги, ви-негрет – пятном на новых белоснежных штанах.

– Да ё-моё! Кто бы там ни был, убью! – грозно прорычала я.

Возмущённо пыхтя, вышла в сени, включила свет на крыльце, распахнула дверь и... растянула губы в вежливой улыбке. Жуля тоже затих и прижался к ноге.

На крыльце стоял молодой мужчина. Белая вязаная шапка припорошена снегом, короткий серебристый пуховик, того же цвета увесистый чемоданчик в руке. Глазищи яркие, большие. И тоже завис на мне.

Да, все мужчины подвисают, говорят, глаза у меня колдовские. В маму пошла, она всю молодость по конкурсам красоты моталась.

– Здравствуйте... Вы кто?

Мужчина пристально прищурился, чуть вскинул брови и опустил глаза на яркое пятно на моём колене.

Глянула на его чемоданчик.

А-а, так это же дядь Миша сына заслал. Ничего себе: такой милаха!

– Добрый вечер, вы заказывали... – заговорил он.

А голос какой, божечки!

– Вас дядь Миша прислал! – догадливо перебила парня и отступила на пару шагов.

Как же его зовут? Напрочь вышибло из памяти! Ведь вроде сто раз говорил...

Парень раскрыл рот... но вдруг из кладовки раздался такой жуткий скрежет, бульканье... взрыв, что Жуля звонко тьякнул и мотнулся в дом.

Забыв обо всём, я в ужасе развернулась и побежала в кладовку, да так и застыла на пороге: стиралку прорвало, но происходило что-то страшное. С одной стороны, вода хлестала из шланга, с другой – из-под машины волнами вытекала пена, которая залила уже весь пол и стремилась перелиться через порог.

Я перепрыгнула лужу и застыла.

– Нужно стояк перекрыть! – громко прозвучало за спиной от того самого парня.

Жуля с любопытством замер между его ботинок. Бесстрашная псинка!

Я знаю, как обращаться с кислородными системами, противопожарным оборудованием и техническими средствами на борту, но сантехнические премудрости – стояки, краны, вентили – непостижимые вещи. Я заметалась взглядом от стиралки к парню и панически развела руки:

– Я не знаю, где это... Сделайте же что-нибудь! Вы же сантехник!

И в тот момент, когда он шагнул через порог, Жуля метнулся в сторону... парень споткнулся, неуклюже выгнулся... Его нога скользнула в пену, и ботинки разъехались. Буквально, как на льду, он проехал до меня и едва не сбил с ног. Я же, чтобы удержать равновесие, резко взмахнула рукой и...

заехала локтем в лицо парня...

Локоть прошибло током – парень рухнул навзничь!

Я едва устояла на ногах, скрючившись в позе «зю», и испуганно вытаращила глаза на неподвижное тело.

– Эй... вы что? – пискнула я, морщась и потирая локоть.

Но от того ни звука, кажется, даже не дышал. А его лицо было перекошено... в буквальном смысле, как будто верхняя часть сдвинулась в одну сторону, нижняя – в другую. Прямо фильм ужасов!

– Мамочки! – завывала я и дотянулась до его руки, дёрнула за неё и... Не шелохнулся!

Меня пригвоздило к полу. Я замерла с открытым ртом, чувствуя, как жаром обдаёт нутро, руки задрожали и грудь стянуло от нехватки воздуха... Но, придя в себя, в ужасе заверещала:

– Жуля, тащи телефон: я убила сантехника!

Глава 2

– Мамочки! Что я скажу дядь Мише? – ползком выбираюсь из кладовой, причитала я.

Жуля притащил трубку и уронил её, не добежав метра. Метнулся назад и снова схватил. Но, видно, и он за свою челюсть испугался, что поднять телефон больше не смог и сел возле него.

Я доползла до трубки, мокрыми дрожащими пальцами попыталась разблокировать экран, но ничего не получилось: он просто не включался. Тогда несколько раз глубоко вдохнула и повернулась к парню. Тот всё так же лежал и не двигался. Зажмурилась и протянула руку к его шее.

– Мамочки! Пульс есть! – закричала так громко, что Жулька подпрыгнул на месте. – Так... его надо отсюда вытащить, а то ведь промокнет совсем – вода ледяная!

Легко скользя по пене, я вытащила парня за руки в коридор. Вода хлестала фонтаном.

Ужас! Всё заливало водой, пена уже плыла в коридор. Но – аллилуйя! – снизу я всё-таки увидела трубу с каким-то вентилем. Потянулась и повернула его – фонтан тут же иссяк.

– Фух! Жуля, мы спасены...

Но метнулась взглядом к бедняге и перекрестилась:

– Божечки! Хоть бы ты выжил!

Снова дотянулась до телефона. Наконец экран загорелся, и я набрала тётъ Тамару, местного фельдшера, одноклассницу дядь Миши. Сбивчиво объяснив ситуацию, услышала благословенные слова:

– Буду через двадцать минут. Не паникуй!

Я не знала, что делать с «телом». И здесь его оставлять жалко, и тащить – тоже опасно. Если не знаешь причины травмы, лучше дождаться врача – гласят наши правила по оказанию первой помощи. Я его и так с места дёрнула. Кто знает, что там... Как могла, уже навредила.

Уф! На его бледное лицо и смотреть страшно!

Жуля стоял в стороне, сосредоточенно водил бусинами от меня к бедняге, но, когда я села у стены и вытянула ноги, сел у головы парня и настороженно обнюхивал её.

– Жуль, только и ты ему ещё ухо не откуси! – нервно хихикнула, отгоняя манюню.

Ведь Вадику же чуть не отгрыз. Хотя тот сам виноват: не покормил, не выгулял, ещё и лакомство отобрал, чтобы не чавкал. Жуля вообще не переносит мужчин в моей жизни. Ревнует, что ли?

– Ой, надо же дядь Мише рассказать... – хлопнула себя по лбу.

Но телефон того оказался вне зоны действия.

– Окей, может, так и лучше, а то только панику наведу. Позвоню после фельдшера.

Я поднялась, быстро сбегала в сени, взяла тряпку с ведром

и живо собрала всю воду.

Только переоделась в сухие джинсы и свитер, как подошла тётка Тамара.

– Тётка Тамир, – семенила я следом за полной женщиной, подпрыгивая на месте, – у него как-то вот тут... косо... – жестаи показала на себе. – Это же не смертельно?

– Сейчас глянем...

Тучная женщина сбросила дублёрку, сполоснула руки и прошла к парню, склонилась над ним, расстегнула пуховик, стянула шапку, внимательно ощупала.

– Тьфу! Ты так по телефону тараторила, что я подумала: совсем черепушку снесла. А тут всего лишь вывих челюсти, шишка на затылке, рефлексy в норме, – так спокойно сказала тётка Тамара, как будто тут была простая царапина. Но, честно сказать, успокоила. – Сейчас вправим, и будет как новенький. Ток давай его на что-то тёплое перенесём, а то полстудёный.

Мы взяли невинную жертву с двух сторон за руки и за ноги и понесли в гостиную. Положили на ковёр перед диваном.

– Жень, ты бы его раздела, что ли. В доме не топлено, а он мокрый весь, застудит себе бубенчики-то, не дай бог. Чем на Рождество звенеть-то будет?

Любит тётка Тамара пошутить на щекотливую тему.

Я округлила глаза:

– Да я его знать не знаю. Вдруг проснётся, а тут я штаны снимаю. Чуть не убила, ещё и раздеваю, подумает, что вооб-

ще маньячка.

– Вот глупости. Придёт в себя – всё объясним. Кстати, да же хорошо, что он без сознания: челюсть вставляю – не почувствует. Давай раздевай, а я пойду снова руки ополосну.

Морщась и кляня эти чёртовы трубы и стиралку, я стянула с парня пуховик, светлые замшевые ботинки... Белый свитер был сухим – оставила и принялась за джинсы.

Жулька настороженно ходил рядом, дёргал усами и всё заглядывал, что я делаю с незнакомым мужчиной, но близко не подходил.

Слава богу, он без сознания! Умерла бы, если бы меня чужой мужик раздевал! Хм... трусы у него модные... и не дешёвые... Бёдра накачанные...

– Так, ты что там застыла – давно мужиков без штанов не видала? – хохотнула рядом тётъ Тамара.

Я опомнилась, тут же сложила одежду поодаль, сорвала с дивана плед и накрыла парня.

Тётъ Тамара наклонилась над ним, решительно влезла пальцами ему в рот, сделала какое-то безумно страшное движение, ещё одно (я даже пальцы ног поджала от мурашек), и его лицо – аллилуйя! – стало, как прежде, только бледное с синевой.

Бр-р! Не могу на это смотреть. Аж щемит всё внутри!

– Вы ему точно на место поставили? – спросила, со страхом косясь на парня.

– Ты же стюардесса – должна уметь оказывать медицин-

скую помощь, – прыснула тётъ Тамара. – Чего так трясёшься?

– Да у нас сто лет на борту не было несчастных случаев, особенно таких... Максимум кровь носом пойдёт.

Выдержки у меня ого-го, но обычно не я пассажирам чести сворачиваю, с такими и обходиться легче, потому что сами виноваты.

Я присела на край дивана и потёрла плечи: мураши со слов забегали.

Тётъ Тамара похлопала парня по лицу. Тот кое-как разлепил веки.

– Ну вот, пришёл в себя. Как, живёхонький? – подмигнула она.

Парень сморщился от боли, растерянно окинул потолок, комнату, недоумённо покосился на фельдшера, потом на меня и что-то промычал.

– А глазюки-то какие у нас красивые! Всех девок с ума свёл? – выпрямилась тётка Тамара иправила платье.

Ну ни фига себе! Она уже с ним и заигрывает. А я тут чуть дуба не дала. Фух!

Я поднялась и вытянула шею в сторону парня.

– Как зовут-то тебя? Говорить можешь? – снова заговорила тётъ Тамара.

Он снова что-то промычал, осматриваясь и пытаясь пошевелиться.

– Подняться сам сможешь? – наклонилась к нему она и протянула руку. – Не бойсь, красавчик, ничего страшного не

произошло, вывих поправили, шишка заживёт. Ну, грохнувшись в обморок от боли, с кем не бывает...

– А он говорить-то теперь сможет? – испуганно смотрела на тётку Тамару, пока та помогала ему подняться и сесть на диван.

Она без церемоний надавила ему на подбородок и заглянула в рот. Парень возмущённо отвёл её руку и злобно так покосился на меня.

– Жень, он язык прикусил, когда падал. Такое случается. Не страшно. До свадьбы заживёт, – и расхохоталась, громко, звонко, что по дому жуткое эхо прошлось.

От её шуточек мороз по коже. Мамочки, хорошенький Новый год!

Я вздрогнула и скрестила руки на груди.

– Что с ногой? – присела тётка Тамара к его стопам. – Хромой раньше был?

Тот помотал головой, натягивая на бёдра плед, явно не понимая, почему оказался без штанов.

– Дай гляну... Да не ерепенься: всё проверить надо... Так больно? – тот покачал головой. – А так? Нет? Ну всё ясно, чуть мышцы потянул. Заживёт. Пару-тройку дней дай ей покоя. Бинт у тебя есть? – повернулась ко мне гром-баба.

– Наверно...

– Плотно перемотайте ногу, и не наступать сутки хотя бы. Не бойсь, Стрельцова у нас – девка бойкая, умелая, просто перепугалась мальчика...

Похлопала парня по плечу и снова глянула на меня, а в глазах ну вот прямо смешинки пляшут.

Что смешного-то?!

– Я оставляю обезбол, если будет сильно ныть, сделаешь ему укольчик. Сможешь?

Я закивала и покосилась на парня. Тот смотрел на меня круглыми глазами.

Божечки, ещё и нога! Покалечила человека, а хотела всего лишь отопление включить. Я что, совсем беспомощная? Да ещё и катастрофа! Поэтому от меня все бегут? Бр-р!

Глава 3

Проводив фельдшера, я долго не могла решиться войти в гостиную. Жулька так и остался там... с контуженым.

В конце концов, это случайность. Злого умысла не было. Я тоже человек!

Осмелилась и перешагнула порог гостиной.

Парень сидел на диване и – вот новость! – гладил Жульку за ушком. А тот, на удивление, млел от удовольствия. Такое он позволял только отчиму Славе, его внучке Лизе и дядь Мише.

– Меня Женя зовут, а вас?

Тихо, очень тихо! Это не ты язык прикусила!

Но он слышал и глухо промычал:

– О-ован.

Ован? Что за имя? Да что я его допрашиваю?

– Ой, что это я, – с неловкостью махнула рукой, – допрашиваю вас, а у вас там всё болит жутко, да?

Он лишь мигнул обоими глазами.

– Ничего страшного, как-нибудь обойдёмся без разговоров. Будем общаться жестами, – натянуто улыбнулась я. – Вы уж меня простите... Я не специально...

– М-м, – внимательно следя за мной, кивнул он.

– Жуль, не беспокой нашего гостя! – шикнула я.

Тот вильнул хвостом и деловито прыгнул на свою подуш-

ку, оттуда, вытянув шею, внимательно следил за нами, готовый сорваться в любую секунду, как только разрешат.

Я прошла и села на край дивана.

– Это я вас раздела. Извините. Одежда мокрая, а в доме холодно ещё. Я просушу утюгом сейчас...

Парень продолжал внимательно смотреть на меня.

*Вот точно смотрит и думает: какого чёрта я сюда по-
пёрся. Теперь без штанов, говорить не могу, ещё и хромой –
ну попал!*

– Сегодня, как вы понимаете, я вас уже никуда не отпущу. Будете спать здесь, на диване.

Парень осмотрелся ещё раз и глянул на свой пуховик. Чуть привстал и потянулся к нему.

– Вы сидите, сидите. Я подам, – вскочила и поднесла ему куртку.

Он вынул из кармана телефон. Попробовал кого-то набрать, но, похоже, связи не было.

– Ой, вам, наверное, сообщить семье нужно, чтобы не беспокоились? Давайте я ещё раз дядь Мише наберу...

Парень свёл брови и снова окинул меня пристальным взглядом.

Ну не смотри ты так, самой стыдно!

Однако мой телефон снова отказался сотрудничать. Я пожала плечами и виновато уставилась перед собой. От шока уже отошла, стало зябко.

Бинт! Забыла про бинт.

– Вы чаю хотите? Согреемся заодно, – мягко предложила я.

Он сложил ладошки вместе и потянул уголок рта, но тут же сморщился от боли.

Бедняга!

Я отошла в другой конец гостиной – кухня находилась здесь же через широкую арку, и щёлкнула чайник. Потом поднялась на табурет-лестенку и дотянулась до верхнего шкафа, где лежала аптечка. Кажется, в ней был бинт...

Оован – не пойму... А, Вован! Странно. Хотя, может, его так и называют, типа, по-свойски, прикипело.

– Перебинтовывать я умею – на работе учат. Позволите? – встала перед ним с бинтом в руках.

Но он отрицательно мотнул головой и протянул руку за бинтом.

Следующие пять минут я с удивлением следила, как он почти профессионально перематывает свой голеностоп. В конце концов, надев носок, парень выпрямился и посмотрел на меня. Я смущённо моргнула и вернулась на кухню.

– Есть травяной, чёрный и зелёный чай, вам какой? – спросила я, показывая веер блестящих пакетиков.

И что он молчит?

Оглянулась. Вован смотрел на меня.

– Простите, никак не могу привыкнуть, что вы не говорите... А-а вам, наверное, и горячий-то чай нельзя, как вы пить будете? – и тут же сообразила: – А хотите, я немного холод-

ной воды добавлю и трубочку дам?

Он щурился, очевидно, улыбался, но прямо так ему было тяжело.

Я принесла поднос и пакетики с разным чаем.

– Я, вообще, не люблю пакетированный, это в небе подают такой, но я забыла купить развесной.

Вован вопросительно вскинул брови.

– А-а, я же бортпроводник, стюардесса, короче. Вот, на-таскала сахара и чаю. Не положено с подносов пассажиров оставлять, поэтому мы собираем неиспользованные пакетики, масло, соусы и всякое такое и домой уносим. За месяц столько этого добра собирается, что я сахар, например, совсем не покупаю...

Глянула на Вована, а он пытался зевнуть, так напрягся весь, что у меня аж глаза заслезились от сочувствия.

Разболталась. Оно ему надо?

– Ой, десятый час уже. Я вас заговорила, – поднялась и одёрнула свитер. – Вы пейте чай, оставьте на подносе и ложитесь, отдыхайте. У вас, наверное, голова кругом. А мне ещё машину укрыть, а то там снежок сыпал, не хочу завтра отскребать от стекла.

Вован тут же поднялся, так и не пригубив чаю, и стал плотнее обматывать плед вокруг бёдер.

– Вам что-то подать? – округлила глаза. – Вы ложитесь, я вам одеяло принесу. У меня их много.

Он жестом показал, что идёт со мной.

– Ой, вы что?! Я вам благодарна за инициативу, но вам нельзя на ногу наступать... Да и куда вы... без штанов?

– М-м, – настойчиво промычал он, одновременно указывая на дверь, мол, не собираюсь спорить.

Я несколько секунд впитывала его решительный взгляд, но потом повела плечом:

– Ну... если только морально поддержать.

Пока отворачивалась и выходила из гостиной, губы сами собой растянулись в улыбку от вида прыгающего на одной ноге парня без штанов.

Какой всё-таки милаха! Прям джентльмен – не оставит даму в беде. Даже если она ему чуть головёшку не разнесла... Ох, вспомнить – аж жуть берёт!

Я вздрогнула перед выходом в холодные сени, накинула пуховик, сунула ноги в пушистые угги и вышла.

– А ты куда? – Жулька увязался следом. – Я тоже по тебе очень соскучилась, но там ты лапы отморозишь. Сиди дома!

Жуля поджал хвост и обиженно поводил глазами, облизывая нос.

Я подхватила автомобильный тент, спустилась к жучку и раскатала полотно рядом с ним. На крыльцо выпрыгнул Вован в одном ботинке. Спустился ко мне и деловито так ухватился за один конец тента.

– Вам точно удобно? Смотрите не шлёпнитесь, а то я вас не дотащу, – усмехнулась я.

– Угу, – пробубнил он и показал кивком, что начинаем

укрывать.

Командир, однако!

Но я улыбалась. Приятно, когда тебе помогают.

Накрыли мы жука очень быстро. Вдвоём, конечно, удобно: не кружишь впустую и не тянешь во все стороны, особенно когда вокруг холодильник. Закрепили тент и вернулись в дом.

Я достала одно одеяло, погладила джинсы Вована в кладовке, достала тапочки (чего-чего, а тапочек здесь много – все старые вещи кочевали сюда) и вернулась в гостиную.

– Вот, Вова, джинсы я прогладила, но они сыроваты, повешу здесь, у камина, подсохнут за ночь. А это тапки: пол холодный.

Вован усмехнулся чему-то, но ладонь к груди приложил, мол, благодарю.

Я стояла у камина, мялась. И уходить-то не хотелось: здесь так тепло.

Даже не представляю, какой дубак у меня в комнате, хотя на улице всего лишь минус семь.

– Вова, вам больше ничего не нужно? – спросила напоследок.

Тот вскинул брови, видно, всё же что-то не так было с его именем. Глупое какое-то это – Вован.

– Вы меня простите, мне кажется, что вас совсем не Вова зовут, – растянула неловкую улыбку.

Он сжал губы и лишь покачал головой «нет».

– Ну вот, говорю же, нелепое для вас имя Вован. А мне так слышалось...

И тут хлопнула себя по лбу, закрыла глаза.

Ну семи пядей во лбу, точно!

– Ужас как стыдно! Я только что вспомнила, мне же дядь Миша называл вас. Иван – так ведь? – виновато сдвинула брови домиком.

Парень сначала замер, приоткрыв рот, а потом, видно, передумал: говорить-то больно, язык, наверное, там распух, вздохнул как-то тяжело и кивнул.

– Ну вот и познакомились, – рассмеялась я от облегчения. – Я дровишек вам подкину и пойду наверх. Вы не стесняйтесь, туалет, если что, рядом с кладовкой. Доброй ночи!

Подхватив Жульку под мышку, поднялась в свою комнату. Достала три одеяла, взбила подушку, надела пижаму и вязанные носки и легла. Жуля примостился у груди.

Тишина здесь, конечно, потрясающая, как бездна – провалился, и всё. Не то что в городе. И темно, если бы не свет на крыльце. Спи, Стрельцова!

За день устала: ссора с Вадиком, дорога сюда, уборка, весь этот кошмар с Иваном – казалось, коснусь подушки, и вырубит тут же. Но под кожей всё ещё что-то зудело, будоражило, да и холод стал пробираться сквозь тройной синтепон. Никак не могла утихомирить озноб и клацанье зубов. Жуля тоже беспокойно вертелся.

– Ёшкин свет, какой дубак! Я так не усну! – поворчала,

стуча зубами, поднялась, взяла одеяла в охапку и вместе с псом спустилась в гостиную.

Одновременно с Жулькой просунули головы в дверь.

Иван лежал на диване, не спал: огонь из камина давал отблески, заметила открытые глаза.

Вроде спокойный пассажир. Пойду, что ли?

– Иван, вы меня простите, – переступила порог и закрыла дверь. Тот сразу оглянулся и приподнялся на локтях. – Но дом не топлён, спать наверху просто невозможно. Поэтому сегодня поютимся в одной комнате. Вы не против?

Жулька сел перед ним и такую мордашку состряпал, будто косточку вымаливал.

Иван сразу поднялся и, придерживая плед на бёдрах, запрыгал на одной ноге рядом с диваном. Показал жестами, мол, не раскладывается ли он.

– Ой, что вы, я лягу на полу у камина. Ложитесь, ложитесь...

Вот ещё! Прибила, ещё бы и на пол согнала без штанов.

Но Жулю уговаривать не нужно было: мигом прыгнул на диван и встал в позу, мол, что стоишь, место наше!

– М-м, – настойчиво кивнул Иван на диван.

Я мялась, перетаптывалась.

С чужим мужчиной, на одном диване... как-то... Но он вроде не совсем чужой... Дядь Миша ему вставит разводной ключ по самое не хочу, если что... Да и ситуация не совсем ординарная... На шкуре у камина тоже не ахти как удобно.

– Ну... вы же не маньяк? – сморщив нос, усмехнулась я.
– Дядь Миша вас всегда с хорошей стороны характеризовал.
Он усмехнулся одними глазами, развёл руки и вздохнул.
– Ну и хорошо! – бодро кивнула я, решив, что хватит с меня вежливости.

Бросила одеяла на пол, одним махом разложила диван, сложила одно одеяло трубочкой и положила посередине.

Хорошо, что диван стоит посреди комнаты: запасные выходы с двух сторон!

– Ну вот... почти бизнес-класс. А завтра что-то надо делать с отоплением.

Я улеглась, Жулька мгновенно прыгнул под бок, накрылась оставшимися двумя одеялами и затихла.

Иван тихонько лёг на свою половину и тоже притих.

Долго лежала и прислушивалась к соседу. Как у нас говорят, хороший пассажир – спящий пассажир. Тот дышал ровно, но, кажется, не спал. И у меня что-то сон прошёл.

Я разглядывала тени на потолке, почёсывала Жулю по спинке и понемногу успокаивалась. Всё волнение за день стало растворяться в тёплом воздухе и под мерный треск дров.

И что-то взгрустнулось: вспомнился Вадик.

А ведь он ни разу не позвонил: как доехала, как дом, не замёрзла ли, прости ещё раз... Хотя связь с перебоями, допускаю, что мог не дозвониться.

Но как-то не по себе после ссоры. Что я тут десять дней

одна делать буду? Этот вот... Иван завтра уедет, и буду куковать... Но, раз уж психанула, то...

А может, не стоит так резко рвать? Почему я пере-чёркиваю всё хорошее, что было между нами? Да, спорим иногда. Но эта ссора самая крупная, я буквально бросила его... по телефону! Но мне ведь хорошо с Вадиком, спокойно. Он весёлый, почти не ворчит, что я не умею готовить или слишком долго в рейсе, как бывшие, – не проходило и месяца, как расставались. А какие у нас горячие встречи после посадки... как снова в небо улетаю! И всё-таки мы уже полтора года вместе. Всякое случалось, но кто идеален в наше время?

Жулька завозился под боком и всхрапнул.

Да, Жульен, только ты! Однозначно!

А может, мне вернуться? Приедет Вадик, а я дома, вся такая тёплая, уютная... Сразу сделает мне предложение, не зря же он собирался везти меня к своим родителям... Я бы с радостью нарожала им внуков и стала бы образцовой домохозяйкой, борщи варить...

Домохозяйкой? Ну, это я загнула, конечно, но была бы неплохой женой! Перейду работать в офис авиакомпании, и будем жить долго и счастливо... Детей правда очень хочется...

Жулька ни с того ни с сего пнул меня в грудь, спустив с облаков.

А может, он передумал и поэтому сбежал на корпора-

тив? Окей, ради профилактики не буду суесться. Отдохну здесь, приведу мысли в порядок, успеем соскучиться. В конце концов, он же для нас старается, всё в дом... даже спальню и гостиную свою по моему вкусу обставил. Не транжирит.

Хм, 3D-телевизор! На кой пень он сдался, когда его смотреть некогда. Хотя это я в небе, он-то дома...

Я приподнялась, выглянула из-за одеяла: Иван уже спал, как младенец. Улеглась, поёрзала, Жуля юлой повертелся у груди, пока, наконец, не нашёл удобную позу и снова не засопел.

Ну, слава богу, один день как-то пережила.

Глава 4

31 декабря

Открыла глаза – на часах в гостиной пять утра. Нос замёрз, даже руку из-под одеяла высунуть – бр-р!

Пощупала под одеялом – Жульки рядом нет. Это очень странно: он без меня никогда не встаёт либо будит первым.

Тревожно поднялась на локтях и обнаружила, что мой драгоценный пёс развалился на плече у Ивана и прекрасно сопит вместе с ним.

Я закатила глаза, с неохотой выпуталась из одеяла, влезла в домашние угли (которые, кажется, тоже промёрзли насквозь) и побежала облегчать организм.

Вернувшись, закопалась под самую макушку под одеяла и снова провалилась в сон.

Проснулась уже в восемь. За окнами почему-то темно. Я недоумённо хлопнула глазами и оглянулась на левую сторону дивана. Соседа нет, испарились и его пуховик с джинсами.

– Ну вот, ушёл...

Но что-то ещё не так. Прислушалась. Точно! Жульки нигде нет!

– Жуля? – позвала настороженно.

Дверь в гостиную была закрыта, подушка манюни не прижата, миска с кормом пустая.

Ага, значит, поел.

Поднялась, укуталась в одеяло и выглянула в тёмное окно.
А там...

Ё-моё!

Снежище валит – за метр ничего не видать. А на крыльце под козырьком в одних джинсах стоит Иван.

– Мать честная! – округлила глаза и рот.

Он натирался снегом!

– Вот это круто! – прошептала сквозь дрожь, едва представив, как за шиворот насыпают снега.

Позади кто-то завозился, закричал. Оглянулась и увидела Жулю, который одним глазом выглядывал из-под пледа, где лежал Иван. Потом показалась лапа, а затем и всё тельце вытянулось в сладких потягушках.

– Ах ты мой крохотулечка! – улыбнулась я и протянула руки.

Жулька спрыгнул с дивана и с разбега оказался в моих руках. Посадила его на подоконник, и мы вместе стали наблюдать, как Иван подтягивается, ловко цепляясь за перекрытие крыльца, а затем спрыгивает и снова умывает снегом лицо, подмышки.

Жуля аж взвизгнул и содрогнулся.

– Да, манюнь, смотри. Не делай так, пипетка отвалится, на место не пришью. Бр-р! Я от одного взгляда на него мёрзну.

А потом перевела взгляд дальше, и будто ножом по сердцу: моего жучка не видать. Вернее, видна только половина.

– Ну прилетели! Я что, тут до весны?! Это когда же я его

откопаю! – разволновалась я и прижала Жулю к груди.

Открыла прогноз погоды на телефоне и поняла, что за ночь выпало несколько суточных норм снега. И тот ещё продолжает валить.

– Ну Ёшкин свет!

Внезапно громкий звонок телефона разорвал тишину, я аж подпрыгнула.

Маман!

– Аллё-аллё, – улыбнулась я.

– Доня, где ты? Почему не звонишь? Весь день вчера тебе звонила! Неужели так трудно матери позвонить? – возмущённо тараторила маман.

Уверена, она весь день провела в спа без телефона – перед застольем с подругами и их мужьями причепуриться. И конечно, маман не в курсе, что существуют уведы о пропущенных звонках. Но главное – придать себе значимости!

– Мам, связи не было. У меня всё хорошо! Я в нашем домике. Здесь чудесно!

Признаться уже не страшно, всё равно дядь Миша сообщит, а по такому снегу она сюда точно не двинет.

– Как ты там будешь одна праздновать Новый год? Неужели нельзя было к нам приехать?

– Мам, я уже чудесно праздную: накупила вкусняшек. И... в доме есть мужчина, – улыбнулась, глядя на крыльцо, – Иван делал второй подход в подтягивании.

И прикусила язык: проболталась, засмотревшись на сим-

патичного мужчину. Сейчас начнётся!

– Какой такой мужчина, доня?!

Я поморщилась, а Жуля вскинул мордашку и лизнул в подбородок.

– Ну... вообще-то, Жуля мужского пола.

– Жуля – это кобель, – фыркнула маман.

– Я не виновата, что мой кобель – единственный настоящий мужчина. Всё, мам, мне ёлку наряжать, на стол готовить. Дядь Славе привет!

– Готовить? Ты ж не умеешь... – прокричала в трубку она, и связь оборвалась. Как удачно!

– Р-р-ав! – возмутился Жуля, выразив наше общее настроение.

– Пожалуй, надо одеться...

Я быстро собрала диван, сложила одеяла в стопку, сводила Жулю в туалет (он умел сходить на свой мини-унитаз, специально учились, чтобы могла брать с собой в отпуск) и поднялась на второй этаж.

Натянув всё самое тёплое в несколько слоёв, не забыв нарядить и манюню в красный свитерок, выглянула в окно.

Похоже, снег только усиливался.

– Не думала, что в доме будет такой дубак. Хватит ли дров? Как мы с тобой тут продержимся, а? Даже если машину откопаю, далеко не уедем, – приговаривала в тёплое ушко Жули, идя в гостиную.

Иван стоял на одном колене перед камином и складывал

поленья горкой. На щеке ближе к челюсти темнел синяк – вот это я ему заехала! Но бледность прошла, выглядел бодрым.

– Доброе утро, Иван! Спасибо, – сказала я, как только тот оглянулся на приветственный лай Жули. – Не ожидала такого холода... Даже не знаю, что делать с отоплением...

Иван поднялся и задумчиво окинул взглядом гостиную, вдруг всплеснул рукой и что-то промычал, активно жестикулируя.

– Э-эм, не поняла, – развела руки я, усадив Жулю на подушку.

Иван замер, а потом достал телефон из кармана джинсов и начал что-то печатать.

«Покажите, где отопительная система», – прочитала, когда он повернул ко мне экран.

– Ой, да... А как вы будете чинить? – удивлённо вскинула брови, покосившись на его приподнятое колено: явно на стопу ему наступать больно.

«Показывайте», – повторил он терпеливым жестом.

– Ну, пойдёмте. Жуля, сидеть!

Накинула пуховик и вывела прыгающего на одной ноге Ивана в сени.

– Вот... за дверью газовая колонка, – указала на маленькое помещение.

Парень ловко протиснулся в дверь котельной, включил свет и осмотрелся.

Что-то щёлкнуло, шандарахнуло, загудело – и раздался знакомый тихий гул работающей колонки.

Да неужто? Новый год удастся?

Иван вышел, а я с надеждой вскинула брови. Он довольно кивнул.

– Чудненько! Спасибо огромное! Новому году быть! – растянула широкую улыбку. – Пойдёмте, отблагодарю вас завтраком!

Придержала для парня дверь, хотела помочь опереться на себя, но он отрицательно помотал головой.

Ну, сам так сам!

Скинув пуховик, я вприпрыжку поспешила на кухню.

Иван вымыл руки, снял свитер и вернулся растапливать камин.

Грея молоко для кукурузных хлопьев, я косилась на него из-за плеча: белая футболка не скрывала подтянутого торса и классных бицепсов.

Что я пялюсь? У меня Вадик!

Но кто сказал, что я не могу любоваться симпатиями? Это не измена. В постели я его не представляю, даже как он целуется... И вообще, у него и девушка, наверное, есть. Да и маман сантехника не одобрит.

Прыснула от воображения, как маман хватается за сердце от новости: «Мой парень – сантехник!»

Хватит, Стрельцова! Куда тебя вдруг понесло?

– Как вы себя чувствуете? – крикнула я, чтобы Иван рас-

слышал.

За спиной тишина. Оглянулась, а в гостиной никого, даже Жули нет.

Поставив на стол миски с залитыми молоком хлопьями, выглянула из арки.

И правда никого.

Вдруг услышала, как по коридору кто-то что-то волочит. Выглянула в дверь гостиной, а Жуля радостно тащит по коридору гаечный ключ...

– Вот любишь ты брать в рот что ни попадя, – прыснула я и отогнала манюню от железяки. Заметив открытую дверь в кладовку, заглянула внутрь.

Иван на коленях ползал за стиральной машиной. А когда выполз и открыл вентиль подачи воды, никаких шумов, бульканий не услышала.

– Вы починили и стиралку? – с энтузиазмом вытянулась я.

Иван кивнул, вытирая щеку тыльной стороной ладони, одновременно размазывая какую-то грязь.

– Спасибо! Ой, только вымазались... футболка вон и джинсы в пятнах... порошок, наверное, на полу остался. И лицо... В общем, ванная наверху, если хотите... Только как вы там, поскользнётесь ведь?

Иван смотрел на меня с едва заметной улыбкой и просто молчал.

– Ну, в общем, вы самостоятельный. Мойте руки, завтрак на столе, – смутилась и кивнула на гостиную.

Иван умылся в туалете и пошёл в гостиную. Я глянула на стиралку – мокрое бельё так и киснет. Добавила порошка и запустила её заново.

Вошла в гостиную – и замерла на пороге: Иван тянул через голову грязную футболку. Обнажился нехилый торс. Волос почти нет, кубики на животе... Издали видела его обнажённым, но вблизи... – аж дыхание перехватило. Вадик-то у меня только плечами широк, а рёбра торчат – тощеват.

Иван потянулся за своим свитером и заметил меня. Я тут же отвернулась к кухне, да чуть лоб не расшибла об косяк.

– Ёшкин свет! – морщась, прошипела едва слышно. В груди заметно зачастило.

И что тут такого, Стрельцова? Ну да, шикарная грудь... Хм, а не только мужики на грудь западают.

Иван оделся, прошёл в кухню и сел за стол. Я с улыбкой кивнула на его пиалу. Он взял ложку и стал медленно помешивать хлопья, будто не зная, что с ними делать. Я села напротив, а увидев, как он неловко берёт ложку в рот, морщится, будто в ней колючки, смущённо поглядывает на меня, мешкает и снова пробует прожевать, забыла про свою еду и невольно заёрзала на стуле.

Бедняга! Ему и так неловко, ещё и я пялюсь. Испортила человеку Новый год... А вдруг он своей девушке собирался предложение сделать, а тут и два слова не свяжет, шампанского не выпьет? Я бы расстроилась...

– Вы завтракайте, не стесняйтесь. А я гляну, как там стир-

ка. Вдруг подтекает, – сорвалась со стула и вышла в коридор.

Глянула на лестницу и вспомнила про чердак.

Надо бы ёлку нарядить – веселее будет.

Забралась на чердак, кое-как стащила коробку с искусственной елью, бросила у лестницы и вернулась за новогодними игрушками. А когда несла коробку с мишурой к гостиной, выпрыгнул Иван, за ним Жуля, недоумённо моргающий бусинами.

Он что, уходит?! Но куда, там же...

«Спасибо за завтрак. Мне пора», – показал на экране телефона Иван.

– Да было бы за что, – усмехнулась я, а осознав, как это расстроено прозвучало, растянула неловкую улыбку. – Вы же не пешком?

Он показал запущенное приложение такси.

– А, ну да... А я буду ёлку наряжать, – затараторила, идя с коробкой к камину.

Обернулась и с досадой смотрела, как Иван присел на подлокотник кресла и заказывает такси.

Надо сладкого съесть, а то что-то настроение упало.

– Может, чаю перед выходом? – спросила тихо, уходя на кухню.

За спиной прозвучало «угу».

Ну вот, выпьем чаю, и останусь здесь одна. Что-то совсем не айс.

Я привыкла праздновать Новый год шумно, в компании,

всегда в полёте или за границей под новым небом с фейерверками, необычными знакомствами, когда люди в это время такие открытые и безумно романтичные. Если в воздухе, то такие прикольные пассажиры попадают, каждый раз что-то незабываемое. Команда у меня всегда классная формируется... И вдруг совсем одна.

Первый Новый год в одиночестве. Так ждала этот отпуск... Лучшие бы ушла в рейс.

Тяжело взглянула за плечо – Иван до сих пор смотрел в экран телефона, ждал. Посмотрела в окно – снег не останавливался. Видимость нулевая.

Как он поедет?

Опустила голову – у ног тёрся Жульен и гипнотизировал пачку хлопьев. Я взяла чипсину, присела, положила её на нос манюне и прошептала:

– Ты хочешь, чтобы он уехал?

Жулька ловко поймал лакомство и довольно захрустел, а потом снова уставился на меня, мол, дай ещё.

– А вот я бы не хотела... С ним как-то спокойнее, что ли, надёжнее.

Жуля завилял хвостом и ткнулся носом в моё колено.

Я поднялась и поставила чашки с блюдами на стол.

– Что, не едет? – спросила оглянувшегося гостя.

Иван отрицательно качнул головой и озадачено погладил идеально подстриженный затылок.

– Вас, наверное, семья или друзья ждут? – натянула вино-

ватую улыбку я.

Тот лишь свёл брови и вздохнул.

– Знаете, а оставайтесь здесь? – неожиданно вырвалось у меня. – Новый год на носу, куда вы в такую метель? Такси вряд ли поедет сюда, пока дорогу не расчистят.

Жуля радостно завилял хвостом, подбежал к Ивану и сел перед ним с заискивающим взглядом. Иван улыбнулся, наклонился и погладил манюню.

– А пешком... Снега, наверное, уже по колено, а вам на ногу наступать больно, – развела руками, ища железные аргументы. – Вдруг поскользнётесь, упадёте, потеряете сознание и замёрзнете... Снегом присыплет, а темнеет рано – вас и не найдут. Я себе такого никогда не прощу, – выпалила и умоляюще уставилась на него.

Эх, жуткую картинку нарисовала. Паникёрша! Но совесть-то разнылась.

Иван задумчиво посмотрел на меня, убрал телефон в карман и неопределённо повёл плечами.

– И мне веселее... Я как-то не рассчитывала, что здесь будет так тихо... и страшно одной. Оставайтесь, пока дядь Миша не приедет за вами. У него-то есть на чём сюда добраться.

Иван опустил глаза на Жулю, кое-как растянул губы и согласен кивнул.

– Тогда чаю? – с неожиданным энтузиазмом выдохнула я и повернулась к столу. – У меня такие пироженки есть!

А потом мы долго пили чай. Я рассказывала, как приез-

жая сюда в отпуск летом, хвалила дядь Мишу, который всегда поможет, если что, и всё удивлялась, что совсем не помню его сына: видимо, из-за того, что Иван жил с матерью в другом городе, там и учился, поэтому и видела-то его один раз, когда тому лет пятнадцать было. Иван лишь кивал, мол, так и есть.

На фоне Жуля носился по гостиной то со своей косточкой, то с мячиком. Иван же одинаково внимал и мне, и моему непоседе, а на душе становилось уютно.

– У нас ещё целый день впереди. Предлагаю нарядить ёлку? – поднялась я.

Конечно же, Иван не дал мне тащить ёлку – принёс её сам, ловко установил между окон. Я распечатала коробки с игрушками и мишурой. Жуля крутился рядом, возбуждённо вынюхивая, чем поживиться, пытаюсь ухватить мишуру.

Я наклонилась над одной из коробок и замерла: от игрушек будто дохнуло волшебством. Столько воспоминаний, столько эмоций от каждой вещицы. Так потеплело на душе, что невольно улыбнулась.

Иван сел рядом, вытянул ноги к камину и внимательно посмотрел на меня.

– Я обожаю наряжать ёлку, – ответила на молчаливый вопрос. – В детстве это был целый ритуал с папой... Он был пилотом, но каждый Новый год праздновал с нами. Как ему это удавалось – загадка. Первого января будил меня и дарил новую необыкновенную игрушку, которую мы вместе водру-

жали на ёлку...

Мельком глянула на Ивана, тот задумчиво смотрел на меня.

В уголках глаз зажгло.

С чего ты вдруг так разоткровенничалась?

– Его давно нет, – добавила как можно бодрее. – В общем, сейчас я очень редко наряжаю ёлку: всё время в полётах. Когда возвращаюсь, ёлки уже убирают.

Иван неожиданно коснулся ладонью плеча, по-дружески, заботливо. Я смутилась и полезла в коробку, но... мне как будто и не хватало этого спонтанного жеста.

– Красавцы, правда? – вынула три стеклянных ангела из Праги. – Теперь я привожу игрушки из всех зарубежных городов, где бываю зимой, – произнесла с нежностью и стала выстраивать в ряд перед собой другие. – Вот самурай из Токио, а сердце из Парижа – тонкая ручная работа.

Иван взял игрушку, присмотрелся и кивнул.

– Вот Вена, вот Цюрих, а это... Рига или Хельсинки. Они у меня, как бывшие пассажиры: лица помню, но имена путаю.

Любопытный Жуля сунул нос в коробку. Оттуда донеслось подозрительное «дзынь».

– Эй, малыш, не трогай Рим! – успела вытянуть из его пасти ленту от стеклянного шара с изображением Колизея.

Жуля, видимо решив, что шары слишком хлопотное занятие, схватил мишуру зубами и разметал её вокруг нас. Я рассмеялась, глядя, как он перебирает лапами по полу, ловя

блики.

– Вы подавайте, а я буду развешивать, – поднялась и встала у ёлки.

Ёлка постепенно преображалась, становясь всё более нарядной, а гостиная – уютной. А пока украшала ветки, рассказывала историю покупки каждой игрушки, и сама с удовольствием погружаясь в воспоминания.

Иван же слушал, аккуратно распаковывал игрушки и подавал с вопросом в глазах, мол, а эта откуда, порой слишком долго задерживая на мне взгляд. Каждый раз, когда наши взгляды встречались, я почему-то сбивалась с мысли.

Странный парень. Знакомы день, а такое чувство, что так долго вместе.

И вдруг поймала себя на осознании, что никогда не рассказывала всего этого Вадику. Пустяки, конечно, но он никогда не интересовался. Кажется, что и уснул бы от таких рассказов. А ведь всё это часть моей жизни... в каждом воспоминании частичка меня, живой, настоящей.

А о чём мы вообще с ним говорили?

Из мыслей выбросило касание Ивана к ноге. И я поняла, что он слишком долго держит игрушку на весу и молчит.

Я рассеянно улыбнулась, потянувшись за игрушкой и снова встретилась с ним глазами. На мгновение забыла, что он мне чужой, и слишком тепло обвела его лицо взглядом. Но, одумавшись, быстро отвлеклась на шуршание под ногами.

– Жуля, не смей грызть гирлянду! – прикрикнула я.

Тот виновато прижал уши, запрыгнул на диван и стал гоняться за собственным хвостом в блёстках от мишуры.

Я усмехнулась и водрузила на верхушку звезду.

– Она из Ташкента, ей сто лет в обед, лежала на табуретке у старушки, торгующей семечками у гостиницы. Я сразу влюбилась в неё, – зачем-то рассказала я и обернулась. – Ну вот... последний штрих – гирлянда.

Жуля, будто соглашаясь, гавкнул и снова принялся гоняться за хвостом. Я расставила ещё несколько игрушек над камином, повесила венок на дверь и убрала лишнюю мишуру в коробку.

Иван распутал моток гирлянды и жестом намекнул, что повесит сам.

– Кажется, в доме стало заметно теплее. Пойду переоденусь, а вы тут аккуратнее. Жуля, следи!

Глава 5

Сняв слой одежды, я зачесала волосы в высокий хвост и спустилась в гостиную.

Ёлка уже подмигивала разноцветными огоньками, а Иван с Жулей на руках стоял у окна и вглядывался наружу.

С той стороны у нас лес и горы – красотища невероятная. Но сейчас сплошная снежная пелена.

– Высший пилотаж! – хлопнула в ладоши я. – Предлагаю пообедать и начать готовить новогодний стол!

Иван отпустил Жульку и запрыгал следом за мной.

– Может, мне вам палочку придумать? Поищу после обеда в сенах, может, что и найду.

Но Иван отмахнулся.

– Как хотите, – развела руками.

Пританцовывая под Jingle Bells⁴ из телефона, я быстро отварила рис в пакетиках – гениальное изобретение для нерадивых домохозяек, открыла венгерскую закуску, соленья и по очереди выставила на стол. Иван же нарезал хлеб ровными тонкими ломтиками, чего у меня никогда не получалось, а Жулька деловито приютился на его коленях и внимательно следил за всем происходящим в надежде, что и ему что-то перепадёт.

⁴ Jingle Bells – известная американская песня о Рождестве.

Но ещё заметила, что всё это время Иван наблюдал за каждым моим движением, пока не села напротив.

Ага, опять на глазах подвис. Даже странно, на что он надеется? Лестно, конечно, но я как-то не рассчитывала переметнуться от регионального менеджера к сантехнику даже такому симпатичному.

– Вот, скромно, но питательно, – вежливо улыбнулась я.
– А к новогоднему столу мы уж с вами постараемся.

Как только взялась за вилку, Жулька тут же заёрзал, водя носом в воздухе и еле слышно поскуливая.

– Так, твоя миска у камина, – строго прищурилась я и указала на пол: – Дай нашему гостю спокойно поесть.

Жулька спрыгнул с колен, убежал, но вернулся с мячиком и стал катать его под столом, задевая наши ноги.

Иван уже ел спокойнее, видимо, начинал отходить, но всё же осторожно, иногда морщась и заглядывая под стол.

– Простите, он не всегда такой непоседа, – оправдалась я: уж слишком навязчиво Жуля возился под столом, порывивая.

По жестам Ивана прочла, что мы с Жулькой похожи.

– Мы? – округлила глаза.

С чего он взял?

– Я о-очень дисциплинированная!

В глазах Ивана плясали весёлые искорки.

– Что, не верите? – беззлобно возмущённо прищурилась.

– Я правда дисциплинированная. Именно поэтому долго

терплю выходки...

Это ты сейчас о ком? О Вадике вспомнила? Ну, гостю это знать необязательно.

Иван вопросительно наклонил голову вперёд, явно ожидая продолжения.

– ...пассажиров, – закончила фразу я.

«Представляю! – закивал понимающе. – Но заметно, что любите свою работу».

– Очень! – расплылась в улыбке. – Хотя иногда, сложно сохранять вежливую улыбку, когда кто-то пытается доказать, что ты неправильно разливаешь сок. Или когда пассажир уверен, что его место у окна, хотя на самом деле у прохода.

Он снова понимающе закивал и чуть растянул уголки губ.

– Я многое видала, но до сих пор поражаюсь некоторым нелепостям.

Иван с любопытством вскинул брови. Но меня долго просить не надо: люблю поворчать на пассажиров со странностями.

– Например, пассажиры просят плед, а потом жалуются, что он слишком тёплый! – поделилась, делая круглые глаза. – Или вот: как-то пассажир из бизнес-класса потребовал подушку, потому что его аристократической шее, видите ли, неудобно. А когда я принесла, заявил, что она не бархатная и не из хлопка. Ну вы представляете?! Потом накатыл на меня жалобу в авиакомпанию, отчитывалась перед начальством, почему не угодила пассажиру. А вот иностранцы, особенно

европейцы, дисциплинированнее, но много пьют...

Жуля, понимая, что его игнорируют, стал сдирать с себя свитерок. Но и правда – в доме стало тепло. Я наклонилась, чтобы помочь, но Иван первым помог манюне освободиться. А потом хитруша снова попросился к нему на колени и притих.

А я всё говорила и говорила, рассказала кучу смешных историй, вспомнила особо нелепых персонажей, и было так легко и непринуждённо, будто мы с Иваном знакомы сто лет, будто сама сто лет хранила обет молчания, а тут дали высказаться. Хотя, возможно, так действовали магия новогодних дней и уют нагретого дома.

Мне всегда здесь нравилось: дом строил папа, когда его списали на пенсию, чтобы подарить его мне. И видимо, он вложил в эти стены столько души, что они всегда хранили умиротворяющую атмосферу, не тронутую городской суетой. Здесь даже время как будто замедлялось.

В какой-то момент я затихла, вспоминая уже ушедшего папу, и посмотрела на Ивана. Тот практически не двигался всё это время, давно съев свою порцию, и, подперев голову ладонью, участливо слушал. Жуля удивительно спокойно сидел на его коленях, важно положив одну лапу на столешницу.

Надо же какая гармония, даже есть не просит!

– Я смотрю, вы такой болтун, прямо рот не закрывается, – смущённо заметила я и поднялась, чтобы убрать посуду.

Иван закашлялся от смеха и так сморщился, что у меня

дрогнуло внутри – аж вытянулась, сопереживая его состоянию.

Мамочки! Как больно, наверное!

– Ой-ой, простите, не смейтесь! – виновато тронула его руку. В ответ он неожиданно накрыл мои пальцы ладонью, тёплой, сухой, крепкой.

Приятно, когда мужчина не истерит.

– Давайте я травяного чаю заварю, угу? – пробормотала смущённо, вытягивая руку из-под его ладони.

Он мигнул обоими глазами, и всё же слабо улыбнулся. Проявились такие чудные ямочки на щеках. Я прямо засмотрелась... Но Жулька вдруг гавкнул, и я тут же отвернулась к раковине и скривилась.

Опять пялюсь! Ну какие тебе ямочки? Зачем?

– Чёрный чай с ромашкой и мятой – мой любимый, – поставила перед ним блюдце.

«А что особенно нравится в профессии? Это ведь только с виду она такая романтичная», – вывел на экране Иван.

– Вы правы, – охотно согласилась. – Бывает трудно физически, но уже после. А так... не знаю... нравится момент подготовки к взлёту, когда все пассажиры на местах и ты читаешь приветствие. Когда решаешь какие-то вопросы с командиром... Когда готовим с девчонками тележки с обедами и напитками. Вот не поверите, обожаю горячие обеды, но не те, что для эконом-класса, а для бизнеса. Там такая рыба с овощами, м-м, язык проглотишь... Что, тоже облизнулись?

– улыбнулась на его сжатые губы.

Я подняла плечи, мечтательно закатила глаза к потолку и усмехнулась:

– Да не знаю... всё. Как говорят, мы *небонутые*. Уж лучше, чем в офисе юбку просиживать. К тому же я столько мест облетела – кто ещё может таким похвастать?

«Ни о чём не жалеете?»

Я поводила глазами по потолку и пожала плечами:

– Иногда... что нельзя выставить пассажира за дверь во время полёта.

И снова эти ямочки! Как они отвлекают!

– Ну а вы почему стали сантехником? – перевела тему я.

Иван медлил с ответом, как-то пристально изучая моё лицо. Я старалась не поддаваться его обаянию и не смутиться. И наконец, написал: «Считаете зазорным?»

– Не-ет! – отклонилась на спинку стула. – Кто-то же должен эту работу выполнять. И не каждый умеет хорошо. А кто бы мне помог тогда? Я уважаю работников ручного труда.

Так, ну прекрати! Слишком навязчиво!

«Люблю работу руками, настоящую, мужскую... Чтобы юбку в офисе не просиживать», – с усмешкой ответил он.

А чувство юмора у него есть! Такой сантехник мне по душе!

«Мужчины в офисе становятся мягкими, поэтому и люблю работать в поле. А почему вы стали именно стюардессой? Почему не моделью? Не ведущей новостей?»

– За скрытый комплимент спасибо, – смущённо хихикнула. – А вы мне сейчас о школе напомнили. Я и правда тогда мечтала об этом. Но больше про ведущую. Даже не знаю, почему не сложилось, – и задумчиво опустила глаза.

Не говорить же о том, что маман никогда бы не позволила занять её место. В семье должна быть только одна «Мисс Екатеринбург». Да и у меня ориентация была на знания, а не вертеть хвостом.

– С детства не мечтала о небе: папа слишком часто отсутствовал, – продолжила я. – Но, наверное, выбрала назло маме. Она мечтала, чтобы я стала косметологом. А какой из меня косметолог? – развела руками. – Я пошла на иняз, я полиглот. Ну и язык у меня подвешен. Отучилась, красный диплом у мамы в рамочке висит – бесит её, – иронично сморщила нос. – А летом после выпуска пошла с однокурсницей на собеседование просто за компанию, ради смеха. Меня взяли, а её нет. Я подумала: а почему нет?

«Удивительно, как жизнь расставляет фигуры», – прочла глубокомысленную фразу от Ивана.

Н-да, где таких сантехников выпускают? И ведь пишет грамотно!

– Я видела, вы утром практически моржевали, и давно вы это практикуете?

«Лет с двадцати».

– Ого! Меня и в реку не загонишь. Я теплолюбивая, – улыbnулась, теребя салфетку. – А где так лихо повязку на-

учились делать?

«В армии».

– М-м! – похвально округлила глаза.

И снова он замер на моём лице. А я – на его зелёных глазах, в которых плескалось столько тепла, только вот было ощущение, что думал он о ком-то другом, а не обо мне.

Они у тебя просто обалденные! Н-да, Стрельцова, хватит его примерять!

– Кстати, – поднялась, решив уже заняться делом, – заметила, что вы и с ножом лихо обращаетесь?

Иван уверенно кивнул.

– Тогда пора готовиться к застолью?

Жулька встрепенулся и вытянулся в готовности помогать всеми своими добродетелями: зубами, лапами, хвостом.

Глава 6

После обеда снегопад только усилился. Телефон совсем перестал ловить. Хотя мама снова дозвонилась – проконтролировать, какие блюда будут на столе. Жульен, «напомагавшись», сопел на подушке, выставив кверху объевшийся пушистый животик.

Хоть и говорят ветеринары: не кормите питомца со стола, но как тут устоять, когда на тебя смотрят такие трогательные глазёнки-бусинки?

Иван возился с кухонными дверцами: от времени их, что ли, перекосило? Сам просто встал и начал делать.

– Эх, какого мы мастера подбили, – подмигивала Жуле, глядя высохшее бельё. – А так бы ушёл милаха.

А когда вернулась на кухню и приготовила все продукты для нарезки, Иван как-то странно уставился на меня.

– Что? Вы что-то из этого не едите?

Хотя трава и трава, ничего заковыристого.

Он помотал головой и набрал в телефоне: «Забыли купить мясо?»

– О-о, я не ем мяса с универа... Но у меня есть рыбные консервы и... – раскопала среди упаковок малосольную форель, – вот...

Иван как-то грустно улыбнулся.

– Вы же из-за этого меня не бросите? – вскинула брови с

такой жалобной интонацией, что самой смешно стало. Жулька тут же встрепенулся и наострил уши.

Иван лишь закрыл рот ладонью, чтобы не засмеяться.

– Ну и славно! А что ещё умеете делать, кроме трубных дел?

Он скромно пожал плечами и коротко напечатал: «Всякое».

– Ух ты! А можете подключить ноут к телевизору? Будем смотреть новогодние концерты. Сто лет не смотрела! – загорелась я.

И правда, настроение так расцвело: кажется, этот Новый год будет неожиданно замечательным. Давно не украшала ёлку, не готовила праздничный стол, не смотрела «Голубой огонёк» – вот так, по-простому, по-новогодному.

Иван с готовностью взялся за дело, прихватив в помощники Жульена. Надо сказать, манюня был в восторге от такого внимания.

Вскоре все глубокие миски были заняты салатами и отправились в холодильник. В духовке запекались овощи в майонезе под сыром, на плите томился ягодный морс.

Я расстелила белоснежную скатерть на журнальном столике между кресел перед телевизором. Иван не только подключил ноутбук, но и обновил антивирусник, устранил навойливо выскакивающие предупреждения фиг знает о чём. На все руки мастер, в дядь Мишу пошёл!

К восьми всё было готово. Охлаждённое шампанское сто-

яло в ведёрке, рядом бутылка сухого белого вина, запечённые овощи и фрукты пахли умопомрачительно, салаты пестрели, гирлянды нетерпеливо подмигивали, дровишки умиротворяюще потрескивали в камине, на экране задорно вещали ведущие, Жуля наматывал круги вокруг стола... Оставалось привести себя в порядок – и вуаля! Здравствуй, ёлка, – Новый год!

Я сходила в душ, высушила волосы мягкими волнами и задумалась, что надеть. Открыла чемодан – и вот он звёздный час!

– Наконец-то надену это платье! Красненькое, суперское! Зацени, Жуль? – крутнулась перед зеркалом. – Шикарно! Мне кажется, Иван оценит.

Повернулась к манюне, а тот запрыгнул на угол кровати и стал сосредоточенно выгрызать что-то из своих коготков.

– Маман сказала бы, что я похожа на мухомор, – улыбнулась в зеркало и медленно разгладила волосы у лица.

Я не считала себя особенной и даже красивой. С моей маман я этого никогда не чувствовала: с первого класса то слишком сутулюсь, то слишком выпячиваю грудь, то не так сижу, то один гольф выше другого на полсантиметра, то пробор неровный, то у Светочки из параллельного банты идеально разглажены, а у меня огрызки, то у соседки Мариночки румянец здоровее... И до сих пор я ем не то, пью не то, бледная поганка, работа у меня никудышная и знаюсь не с теми парнями. Как меня ещё земля носит?

– Думаешь, слишком нарядно? – вздохнула я. – Но, в конце концов, у нас в доме симпатичный мужчина и почему бы не выглядеть красиво в Новый год?

Жуля мельком покосился на меня, моргнул, нетерпеливо поёрзал задом и облизал нос.

– Видел, как у него чёлка лежит, модная такая? Ему и укладка не нужна.

Жульен усиленно продолжил трудиться над «педикюром».

– А ты заметил, какие у него чистые лапы? Для сантехника прямо диво дивное. И вообще, какой-то он... прям аккуратный милаха, да?

Снова оглянулась – Жуля невозмутимо вылизывал другую лапу.

– Н-да! Ты, конечно, очень внимателен.

Тот фыркнул и, не моргая, уставился на меня.

– И что ты смотришь осуждающим взглядом? Думаешь, я Вадика предаю? – снова оценивающе посмотрела на себя в зеркало и поправила волосы у декольте. – Вовсе нет. Да и ему, похоже, всё равно. Даже не позвонил до сих пор: как я, где я, может, уже окочурилась тут от холода или медведи загрызли по дороге... Короче, сантехник так сантехник, в конце концов, я ни к кому в постель не лезу. Мы классно проведём Новый год!

Жулька чихнул и спрыгнул с кровати.

– Твоя правда, – ухмыльнулась я и вышла в коридор.

Иван замер, когда увидел меня в платье.

Ясен пень, перестаралась немного. Но я же девочка!

Улыбнулась и исполнила смешливый реверанс:

– Праздник должен быть во всём!

Жуля поддержал звонким радостным «гав» и прыгнул на свою подушку. Иван потянул уголки губ вверх и показал два больших пальца.

– Люблю молчаливых пассажиров, – усмехнулась я и жестом пригласила к праздничному столу. – Оторвёмся по полной! Такое редко случается, но сегодня я готова напиться!

Иван разлил вино, и мы чокнулись за начало прекрасного вечера. Некоторое время мы ели молча – так проголодались, пока готовили, даже у Жульки за ушами трещало, а потом обмякли в креслах. Иван цедил вино через трубочку, иногда неловко ловя её губами. Я прыскала в ладошку, отворачиваясь к телевизору. Он лишь косился беззлобно, иногда покачивая головой.

А потом по телевизору запели «В лесу родилась ёлочка», и Жуля с подвыванием заплясал на задних лапах. Мы ухаживались. На волне искрящегося настроения я подхватила манюню за передние лапы и закружилась с ним у камина, подпевая артистам.

«Вы всегда так празднуете Новый год?» – спросил Иван, когда я, запыхавшись, упала в кресло и пригубила вина.

– О, нет. Это наш первый дикий Новый год. Первый зимний отпуск за много лет.

«Почему не с друзьями?»

– Ну... какие у меня друзья на земле? С моей разлётной жизнью некогда поддерживать дружбу. Все по своим компашкам, – призналась с грустной улыбкой. – Мои друзья – это коллеги. Практически все праздники я с ними. Хотела, наконец, отпраздновать на земле и вот...

Забудь ты о Вадике с родителями и придуманным предложением. Хотел бы, давно сделал!

И живо соорудила комичную рожицу:

– ...вас чуть не пришибла, сама чуть в ледышку не превратилась, если бы не вы...

«А почему не с родителями?»

– О, это отдельная история.

Иван с лёгкой усмешкой опустил глаза.

«Не дружите?»

Я неопределённо пожала плечами.

– На самом деле, забавно выходит: мать замужем в третий раз, с каждым её мужем у меня прекрасные отношения, но с маман у нас, видимо, дружба утонула ещё в околоплодных водах... Нет, не то чтобы я какая-то ненормальная... или она...

Ё-моё, и зачем я оправдываюсь? Ну и шут с ним... Хорошо-то как!

Допила вино и протянула бокал Ивану.

– ...но просто каждый мой визит – это разработка стратегии, как выдать меня замуж, а каждый день присутствия на

земле превращается в тотальный контроль всей моей жизнедеятельности.

«Вот и ответ, почему вы выбрали небо».

Я рассмеялась. Хотя, проблёскивает в этом зерно истины.

«А замуж, значит, не хотите?» – лукаво улыбнулся он.

– Нет, почему же... Я хочу! – округлила глаза.

Стоит ли ему говорить про Вадика? Так хорошо сидим... Нет, бросил, вот и оставайся беспмятным!

– Но я в прямом и переносном смысле летаю в облаках, – закатила глаза и со смешком пожала плечами.

А вообще банально – никто не предлагает. Смешно даже! В школе я всем девчонкам поперёк горла была, в универе отбивалась от парней до самого выпуска, а как ушла в небо, хоть бы один предложил. Толку с моей внешности: все только пялятся, а как что, сбегают. Вот и Вадик, похоже, давно лыжи смазывал...

Глубоко вздохнула и откинулась на спинку кресла.

«А возвращаться собираетесь?» – склонился ко мне Иван, а в глазах мелькнуло что-то загадочное.

Я на мгновение зависла. Так было уютно и хорошо, голова приятно кружилась, всё казалось лёгким, непринуждённым.

И почему не он мой парень? Я бы сейчас его поцеловала... И весь отпуск нежились бы у камина... кувыркались в снегу...

Перед глазами даже поплыло. Я пьяно моргнула и потрянула головой, смущённо теребя чёлку.

Ё-моё... ясен пень – алкоголь резвится...

– Обязательно, как только будет нелётная погода, – усмехнулась и снова осушила бокал. – Давайте шампанского?

Иван кивнул и, подавая бокал, набрал: «А как с Жулей управляетесь? Кто с ним, когда вы в рейсе?»

– Основное время Жуля проводит с... соседкой.

Снова потерела чёлку, не желая вспоминать Вадика, и чокнулась с Иваном, который всё ещё цедил первый бокал.

– Я понимаю: заводить собаку при такой жизни безответственно. Но, когда увидела его на парковке, грязного, с жуткими колтунами, видно, давно брошенного, да ещё и с перебитой лапкой, просто не смогла пройти мимо...

Манюня, заслышав, что говорят о нём, тут же прыгнул на колени и потёрся боком о декольте.

– Ведь совсем малыш был, – почесала его за ушком. – Вылечила, пригрела, а отдать в приют – жалко стало. И честно сказать, он самое дорогое существо на свете. Слушает, как человек, почти всегда отвечает, всегда так искренне рад мне...

«Мне кажется, есть люди, которые тоже вам очень рады», – со слишком пристальным взглядом протянул телефон Иван.

Я смущённо улыбнулась, опустив глаза на Жулю, и тут же испуганно вскрикнула:

– Жуля! Ах ты зараза!

Тот держал в зубах осколок ёлочной игрушки. Ведь может

проглотить!

Жулька испуганно выронил стекло, дёрнул от меня через стол – и опрокинул почти полную соусницу на Ивана.

– Жуля! – вскочила я и оторопела, глядя, как густая красная жижа стекает по джинсам Ивана.

Жульен, поджав уши, с пробуксовкой юркнул под диван и притаился.

Иван как мог быстро поднялся и обтёр бёдра и пах ворохом салфеток, а потом ободряюще улыбнулся, оглядываясь на проказника.

– Снимайте, я сейчас стираю, иначе останутся пятна! – сказала, сердито щурясь на виноватые глазёнки из-под дивана. – Придётся вам снова в пледе походить.

«Уж с этим я справлюсь. Главное – вам под руку не попасться», – с лукавым взглядом написал Иван.

Я прыснула, принесла ему плед и отвернулась.

– Давайте джинсы, и посидите пару минут. Я кое-что придумала...

Бросила джинсы в стиралку, поднялась в комнату и заглянула на полку со старыми вещами, которые уже не носила в городе.

Жуля прокрался следом и боязливо заглядывал в дверную щель одним глазом.

– О-о, отлично! Это то, что надо. Как думаешь, м-м?

Жуля неуверенно вильнул хвостом.

– Что, стыдно, козявка? Зачем ты такую пакость сделал

хорошему человеку?

Манюня открыл дверь носом, подошёл с виноватым видом и ткнулся лбом в ногу, выпрашивая снисхождения.

– Перед гостем будешь извиняться, – фыркнула я и заставила его спускаться с лестницы самостоятельно. Обычно он ехал на мне.

– Вот это точно будет как раз! – торжественно преподнесла одёяние гостю.

Иван скептически развернул перед собой красные шёлковые шаровары и, беззлобно щурясь, покосился на меня.

– Ну что? – смешливо округлила глаза. – Красные, праздничные... Между прочим, я купила их в Паттайе на китайский Новый год. И-и... мне под стать, – обрисовала ладонями свою фигуру в платье и не удержалась – расхохоталась.

Иван и сам был не прочь посмеяться, но лишь закрыл рот ладонью, чтобы не растянуть губы.

– Ну простите, я не специально. И Жуля так обычно не поступает...

Хотя лукавила – это тот ещё дьяволёнок. Нет-нет да и сотворит гадость несусветную. Правда, до этого только с вещами Вадика или маман.

– Я пока схожу за ещё одной бутылкой шампанского, а вы переодевайтесь. И да, шнурок потуже затяните, – и с улыбкой отвернулась.

Очаровательно! Просто очаровательно! Он даже не злится. Или я не заметила, потому что уже навеселе?

Когда вернулась, Иван встречал меня уже в шароварах с нарочито-трагическим выражением на лице, разводя руками, мол, выгляжу нелепо.

– Вы ничего не понимаете в трендах сезона! – с умным видом вскинула указательный палец я и снова расхохоталась. Ну милаха же!

«Видимо, весь новый год мне суждено проходить без штанов», – напечатал он, усиленно щурясь, чтобы не рассмеяться.

– А что, неплохая перспектива! – засмеялась я и тут же смутилась от его взгляда. – Mamочки, я уже пьяная, простите...

Вот ляпнула так ляпнула – аж щёки запекло! Ты о чём думаешь, Стрельцова?

«После такого унижения мы обязаны перейти на «ты», – подмигнул Иван.

– Не смею возражать! – отсалютовала я со смешком.

Всё-таки не злится! Какой же он милый... М-м...

С экрана раздалась безумно романтическая мелодия, и Иван неожиданно протянул мне руку.

– Ты уверен? – вскинула брови я, кивая на его ногу.

Он мягко склонил голову набок и подошёл ближе, прихрамывая на носок.

Мы затоптались в медленном танце. И для подбитого сантехника он двигался очень даже ничего! Я расслабилась от его тёплой руки на талии, от его осторожных, но старатель-

ных поворотов. Стало так радостно на душе, легко, будто мы одни на всей земле, скрытые этой нечаянной метелью.

– Знаешь, я очень давно так душевно не отмечала Новый год, – прошептала, чувствуя, как внутри разливается что-то нежное и тревожное.

«Я не очень рад, что не могу говорить и ходить толком, но рад, что оказался полезен», – прочла на экране.

Показалось, что щёки вспыхнули румянцем. Смущённо сжала губы и на всякий случай провела пальцами по щеке: точно горят!

«Ты счастлива?» – неожиданно написал он.

Я замерла.

Показалось, что ли?

Моргнула и перечитала – то же самое. Поводила глазами по гостинной и повела плечом:

– Да... Наверное. А почему ты спрашиваешь?

Губы Ивана дрогнули, и он, почти не глядя, написал: «У тебя бывает очень грустный взгляд», – и посмотрел так, будто заглянул в самую глубину.

Я невольно прикусила губу и отвела глаза. На экране гармонично кружили пары в бальных платьях, а в голове всё движение остановилось, лишь чувствовала, как тепло и уютно обнимала за талию рука Ивана.

Что ему сказать? Я буду? Я счастлива? И что из этого правда?

Музыка давно затихла, на экране суетливо наполняли бо-

калы, блеск мишуры, радостные улыбки и крики, хрустальный звон... Потом появилось очень знакомое лицо, что-то вещало, только слова плыли мимо...

И вдруг взгляд упал на часы – 23:59.

– Ё-моё, салфетки! – воскликнула я, оттолкнулась от Ивана и метнулась к столу.

Иван озадаченно застыл с разведёнными руками.

– Сейчас куранты забьют! Надо успеть написать желания! – затараторила, бросаясь к кухне, потому что салфетки закончились. – Ё-моё, а ручки?

Жуля нервно подскакивал на месте и мотал головой, недоумённо следя за моей неловкой беготнёй в безумно узком платье.

В ящике стола нашла два цветных карандаша, зажигалку, прибежала к столу, чуть не упав, села на подлокотник, и сунула в руку Ивана карандаш:

– Как ударит – пиши! И скорее наливай шампанское...

Иван, иронично сдвинув брови, наполнил бокалы.

С боем курантов, торопясь и фыркая, выцарапала тупым карандашом: «Хочу выйти замуж в Новом году!» Уронила карандаш в салат, фыркнула и быстро подожгла салфетку над бокалом шампанского.

Как только пепел коснулся пузырьков, я приготовилась выпить залпом... Но неожиданно Жуля прыгнул на бедро, соскользнул, а я, не удержав равновесия, слетела с подлокотника на пол.

Шампанское с пеплом – на мне... Жулька с визгом – под диван... Иван ржёт как лошадь! На экране все кричат: «С Новым годом!»

– Я смотрю, ты выздоровел? – обиженно фыркнула я, цепляясь за его крепкую ладонь. – Ну вот... теперь моё желание не сбудется!

Ёшкин свет! А я так верила... Ведь всегда сбывалось. Только в этот раз я очень хотела получить предложение от Вадика!

Иван мягко коснулся моего подбородка и показал экран телефона: «Всё будет хорошо, не плачь. Неужели ты веришь во всю эту ерунду?»

Я плачу?!

Быстро мазнула ладонью по лицу и... и правда – щёки мокрые. И обида ещё сильнее зажгла глаза. Я жалобно пискнула и, чтобы спрятать всегда краснеющее от слёз лицо, уткнулась лбом в грудь Ивана.

А он так нежно погладил по обнажённым плечам, что аж утонула в мурашках.

– С Новым годом, Женечка! – ласково прошептал он на ухо. Натянута, коверкая звуки, но уже голосом.

От его горячего дыхания я почему-то почувствовала себя такой беззащитной и одинокой, что прижалась к нему, обняв обеими руками. Иван неожиданно обнял в ответ и уткнулся носом в макушку.

Я чувствовала, как тяжело вздымается его грудь, как го-

рячие пальцы трепетно сжимают талию и плечо, как его губы медленно движутся к скуле...

«Тудум-тудум-тудум!» – внезапно раздалось в дверь.

Меня как ошпарило: сначала горячей волной, потом ледяной, когда Жулька отреагировал звонким лаем и понёсся к сениям.

Я отскочила от Ивана, растерянно зашамкала ртом, огляделась и тряхнула головой.

Вот это меня припечатало! Я что, совсем пьяная? Вот натворила бы сейчас дел... Я же с Вадиком!

«Тудум!» – снова загремело и затихло.

– Надо открыть, – пробормотала я, пряча глаза, и побежала в коридор.

Накинув пуховик, выбежала в сени и выглянула в окно.

Кто-то, запорошённый снегом, стоял у двери на коленях, прижавшись лицом к косяку, и стонал.

Я испуганно распахнула дверь, и на порог ввалился мужчина в костюме, рубашке, галстуке. На голове снежная шапка. Ресницы и брови в инее, нос красный, губы синие и подбородок дрожит... Лежит и не шевелится. А Жулька разошёлся в надрывном лае.

– Да замолчи ты! – бросила я, и тот нырнул в коридор между ног Ивана.

Иван переступил порог и изумлённо уставился на меня.

Вытаращив глаза, я вскинула ладони:

– Мамочки! Это не я! Честно!

Глава 7

– Божечки! Это же Вадик! – выдохнула я и упала на колени перед парнем.

От ледышки в костюме раздалось слабое мычание.

– Вадь? – склонилась над ним и заключила его лицо в ладони. – Ау? Ты как?.. Поче

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.